

Психотехника творческого процесса¹

Павел Иванович Карпов

В рамках рубрики «Страницы из истории психологии» публикуется 7-я глава из книги «Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники» (1926), которая была написана известным советским психиатром и психологом Карповым Павлом Ивановичем (1873–1932). В результате многолетних исследований П. И. Карпов собрал обширную коллекцию стихов, рисунков, ручных поделок и других произведений, созданных душевнобольными людьми. Основанная на материалах этой коллекции книга, глава из которой публикуется ниже, представляет интерес и в наши дни, так как помогает пролить свет на взаимосвязь между психическим состоянием человека и его творчеством.

Psychotechnics of the Creative Process

Pavel I. Karpov

Under the section of “Pages from the History of Psychology”, we present Chapter 7 from the book “Creativity of the Mentally Ill and Its Influence on the Development of Science, Art, and Technology” (1926) written by the renowned Soviet psychiatrist and psychologist Pavel Ivanovich Karpov (1873–1932). Through years of research, P.I. Karpov amassed an extensive collection of poems, drawings, handicrafts, and other works created by individuals with mental illnesses. The book based on the materials from this collection remains relevant to this day as it sheds light on the connection between a person’s mental state and their creative output.

Наблюдение над повседневной жизнью знакомит нас с различными мерами то привычной работы, то творческого процесса.

Нам хорошо известно, что человек, овладевающий каким-либо трудом, привыкает к нему. Привычка создается не вдруг, а постепенно и заключается в том, что привыкающее лицо начинает все меньше и меньше тратить времени на реализацию практических или других знаний. Очевидно, происходят изменения в центральной нервной системе, создающие условия, облегчающие человеку через известный промежуток времени лучше освоиться с работой, благодаря чему последняя протекает с меньшей затратой энергии и времени. Кроме того, действительность знакомит нас с иным психическим процессом, позволяющим человеку мыслить не отдельными признаками и действиями,

¹ Текст печатается по изданию: Карпов П. И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. М.: Госиздат, 1926.

а целостными формами. Наконец, существует и такой образ мышления, который позволяет человеку сразу овладевать готовым решением. Такое решение, неизвестно откуда пришедшее, часто отвергается творцом как собственность, так как, по мнению творца, он никогда не работал над разрешением данной проблемы.

Перечисленные три вида работы создают условия, над которыми необходимо задуматься с тем, чтобы разрешить их в том или ином направлении, чтобы дать им психологическую оценку и ясно представить себе тот механизм, при помощи которого реализуются эти три вида работы. Всякая работа протекает в нашем сознании, причем она в той или иной мере вовлекает в работу и подсознание.

В обычных нормальных условиях сознание и подсознание работают столь содружественно, что выявить их отдельные функции не представляется возможным, так как эти функции сливаются в общий поток нашего бодрственного или контролирующего сознания. Но, изучая патологические случаи и различные состояния сна, можно до известной степени выяснить психический механизм, свойственный различного рода работам. Для того чтобы так или иначе решить проблему механизма, свойственного разным видам работы, нужно овладеть признаками функций сознания и подсознания.

Контролирующее сознание. Контролирующим сознанием мы называем такое сознание, которое является создателем и руководителем наших поступков и нашего поведения; контролирующим оно называется потому, что все поступки, все действия, все поведение и всякое мышление проходят через его фильтр и от него получают или одобрение назревшего желания и стремление к реализации его, или же оно отказывается по тем или иным соображениям от приведения в исполнение назревшего желания. Контролирующему сознанию присуща оценка как средств достижения, так и цели; если средства, при помощи которых может быть достигнута цель, вступают в конфликт с убеждениями личности, то контролирующее сознание независимо от личных выгод, проистекающих от реализации назревшего желания, может отказаться от приведения в исполнение последнего, так как пути, при помощи которых может достигаться реализация желания, вступают в конфликт с личностью субъекта и ее убеждениями.

Если так сложно наше сознание, то как подойти к уяснению функций, присущих последнему?

Сознание может отличаться симптомами категоричности и теоретичности. Категорическое сознание присуще инстинкту, ибо последний никогда не создает теорий и всегда в своих действиях категоричен, и, благодаря своей категоричности, безошибочен; категоричности инстинкт никогда не учится; он от возникновения жизни овладевает категорическим сознанием. Человеческое сознание лишено этого существенного признака, и ему присуща теоретичность. Человечество в настоящее время находится в стадии такого развития, когда его сознанию присуще лишь создание недолголетних теорий.

Практика показывает, что как бы ни были высоки по научному достоинству теории, например, по естествознанию, созданные интеллектуальным мышлением человека, все же продолжительность их простирается на срок, примерно, в 25 лет. Как бы ни были убедительны теории, через 25 лет они обычно сменяются новыми и переходят в область истории.

Сознания различаются и по восприятиям извне. Истинктивному сознанию свойственно безошибочное определение свойств предмета и их полезности, бесполезности или вредности. Испанцы в период завоевательной политики пользовались для еды теми растениями, которые ели лошади, и тем оберегали себя от отравления неизвестными растениями. Человеческому мышлению не свойственно такое избрание, но ему присуще уточнение и осознание предметов внешнего мира, приходящих с ним в соприкосновение путем изучения их свойств.

Сознания могут характеризоваться и по проекции. Сознанию инстинкта присуще узнавание, сознанию же интеллекта, помимо того, свойственно творчество и совершенствование, которые могут оказывать существенное влияние как на окружающую природу, так и на дальнейшее развитие человеческой жизни.

В дальнейшем изложении нас будет интересовать сознание, присущее только человеку, на котором мы и остановим свое внимание.

Способы человеческого мышления

Человеческому мышлению присущи анализ и синтез.

Анализом называется такая психическая функция, при помощи которой расчленяется целое на части, и один предмет по своим свойствам сличается с другим, уже изученным. Анализ никогда не может закончиться и никогда не может обнять предмета во всей его полноте; поэтому при помощи анализа невозможно составить себе точного представления об изучаемом предмете; всегда это знание будет до известной степени относительным, приближающимся более или менее к истинному знанию вещи.

Науки, развивающиеся аналитическим путем, расчленяют ее целостность на части и изучают последние вне общей зависимости, например, анатомия, гистология, физиология и другие науки. Анализ доводит химию до изучения молекулы, атома или электрона, а следующим этапом все же будет неизвестное, подлежащее творческому оформлению.

Анализ нам близок потому, что он имеет интеллектуальное происхождение; интеллект же человека усиленно развивается в настоящий период жизни.

Синтез представляется таким способом мышления, при помощи которого из отдельных качеств и действий создается целое понятие, создается образ воспринимаемого предмета и передается в сферы воспоминания, хранящие воспринятые образы и проецирующие их во внешнюю среду по желанию личности в отсутствии раздражителя.

Для того чтобы лучше овладеть этими сложными психическими функциями, необходимо наглядно представить их в форме образного восприятия, могущего облегчить изучение механизма нашего мышления. Для создания такой схемы нет надобности особенно множить психологические понятия, приходящие сознанию, их можно сконцентрировать в несколько этапов, и на этих этапах наглядно показать вышеприведенные приемы мышления.

На рисунке № 36² внизу зарисованы треугольники, которые необходимо представить себе как этапы восприятия *качеств* и *действий*.

Далее, три кружка олицетворяют психические *моменты элементарного синтеза*, каждый из коих объединяет небольшое количество качеств и действий, а поэтому в этих областях может и не составиться полного представления о воспринимаемом предмете.

Следующим этапом является область нашего мозга, концентрирующая в себе все качества и действия, нами воспринимаемые. Этот психологический момент есть *восприятие*. Если представить себе, что сознание состоит только из вышеприведенных функций, то такое сознание воспринимало бы только то, что находится в сфере действия органов чувств, воспринимающих извне. При ограниченности сознания одним восприятием получились бы следующие особенности: как только предмет выходил бы из сферы действия органов восприятия, так он совершенно изглаживался бы в сознании и от него не оставалось бы никакого впечатления. Бывает ли когда-нибудь в действительной жизни такое положение с человеком, когда у него все происходящее не оставляет никакого следа, когда его сознание уподобляется калейдоскопическим переменам, не фиксируемым нашим сознанием? Такое состояние для человека возможно, и этот симптом присущ Корсаковскому симптомокомплексу, при наличии которого субъект не фиксирует в своем сознании того, что происходило с ним в недавнее прошлое, и если напомнить ему о том, что произошло сейчас на его глазах и в чем он принимал непосредственное участие, то он никогда не поверит и будет категорически отрицать случившееся, так как в его сознании не осталось следа от только что пережитого события.

Но нашему сознанию свойственно оживлять восприятия, бывшие ранее; мы можем образно вновь переживать то, что мы когда-то восприняли; следовательно, нашему сознанию присущ следующий психологический момент, известный под именем *памяти*. Если бы наше сознание состояло из восприятия и памяти, то тогда оно отличалось бы тем, что узнавало бы предмет, раз воспринятый и находящийся в настоящее время тоже в сфере восприятия; но в отсутствии раздражителя память не дала бы образного воспроизведения воспринятого ранее, т. е. она не могла бы оживить прошлого, так как нет индуктивной силы, понуждающей память к воспроизведению; поэтому данное мышление отличалось бы от предыдущего тем, что при наличии раздражителя могло бы вспомнить о его свойствах, следовательно, в таком сознании мог бы накапливаться опыт.

² Нумерация рисунков соответствует их порядку в книге. – *Прим. ред.*

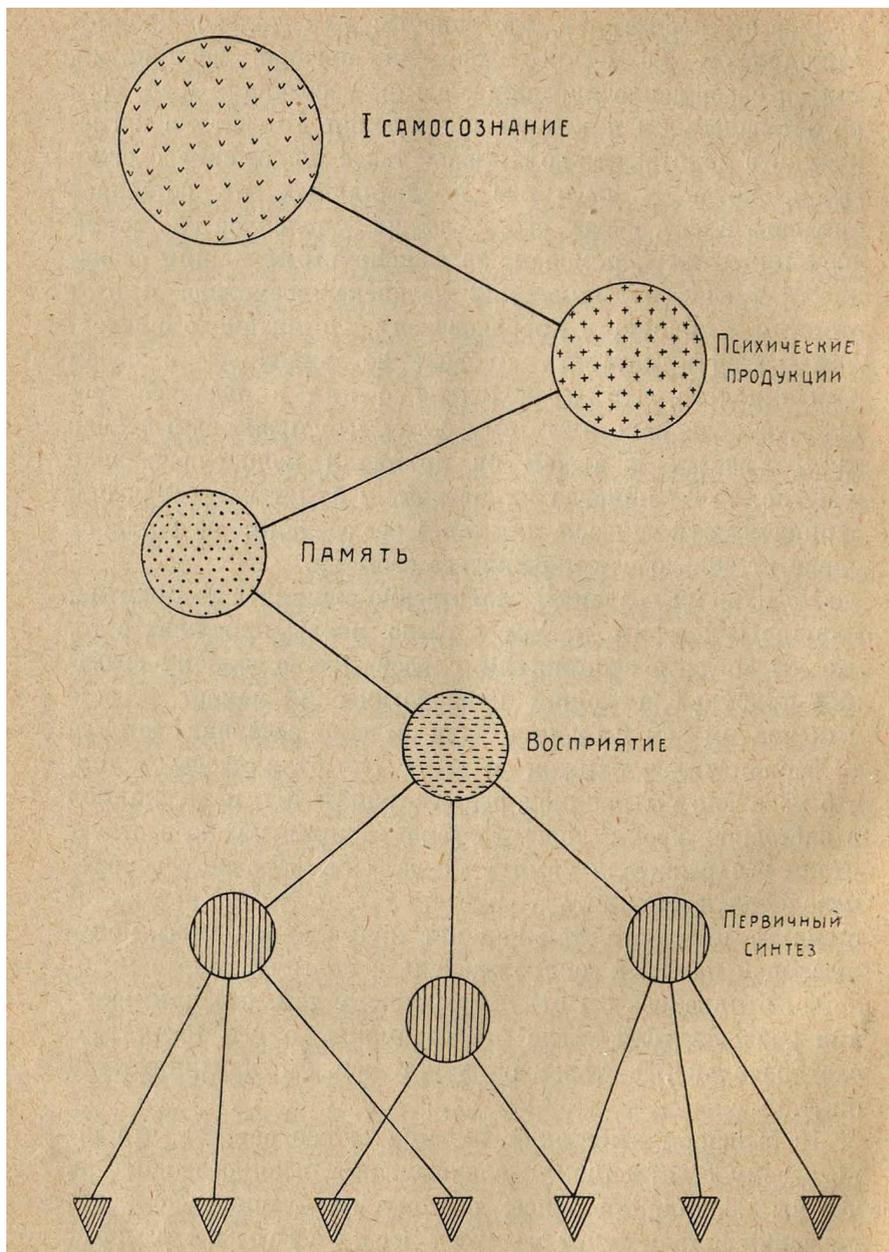

Рис. 36. Восприятие качества и действия

Но в нашем мышлении имеется та особенность, что мы по своему собственному желанию можем воспроизводить то, что мы восприняли ранее; поэтому следующим психологическим этапом будет *момент психических*

репродукций. В этом моменте мы объединяем все, что продуцируется вовне, например: действие, мимика, жесты, слова и т. д. При наличии моментов репродукции память получает возможность воскрешать те образы, которые наслонились в ее сущности путем прошлых восприятий, так как репродукционные моменты своим воздействием активируют память, и под влиянием этой активации память проецирует во внешнюю среду воспринятые ранее и фиксированные образы без наличия раздражителя.

Но и на этом не заканчивается строение нашего сознания.

Следующим этапом будет психологический момент, называемый *самосознанием*. Самосознание или личность осознает себя как законченную единицу, выделяет себя из окружающей действительности и называет себя «я». Все, находящееся вне «я», будет «не я». «Я» может активировать различные моменты сознания, и эти моменты под влиянием воздействия самосознания начинают функционировать присущим им образом (см. рис. 36).

Строение, представленное в данной схеме, наглядно может показать, как совершается функция анализа и функция синтеза. Если переходить от моментов восприятия качеств и действий к самосознанию, то этим путем производится синтетическая работа; наоборот, если спускаться от самосознания к восприятию качеств и действий, то будет производиться аналитическая работа, расчленяющая целое на части.

Таково строение контролирующего (бодрственного) сознания.

Контролирующее сознание, оцениваемое по присущей ему деятельности, является значительно неповоротливым и малоемким; ему присуще больше руководить идеею работы, но не реализацией последней. В обычных условиях здоровой жизни, как было сказано выше, наше мышление слагается из функций контролирующего сознания и из функций подсознания, и эти функции так тесно переплетаются между собою, что выявить свойства, принадлежащие первому или второму, не представляется возможным. Только у постели больного, где происходит расчленение психических сфер, большая активность – в одной, пассивность – в другой и так далее, удастся наблюдать действия отдельных сфер; эти наблюдения и изучения дают возможность проникать в глубь психической деятельности и осознавать функции, присущие этим сферам. Наука владеет надежными методами, исследующими деятельность контролирующего сознания, допускающими приемы цифровых выводов.

Подсознание

Нельзя того же сказать о подсознании, потому что функции последнего в чистом виде наблюдаются редко, только во сне, когда происходит полное расщепление сознания и подсознания, когда контролирующее сознание переходит из активного состояния в пассивное, когда оно как бы совершенно отсутствует в протекающей во сне жизни, когда все, что совершается во сне, не проходит через его фильтр, когда его многогранная призма не преломляет никакой психической деятельности; в это время выявляется подсознание в чи-

стом виде, обнажаются его функции и становятся доступными как наблюдению, так и изучению.

На первый взгляд интерес к состоянию сна кажется как будто несерьезным, как будто эта область относится скорее к сонникам, разгадывающим сны, чем к научному обследованию. Но такое явление только кажущееся. В действительности сон является другой частью человеческой жизни, так как человек в общей сложности проводит целую треть своей жизни во сне, а потому интересоваться этим состоянием не только можно, но и должно.

Всякое мыслящее лицо должно составить себе ясное представление о той жизни, которая выражается иными симптомами, иными продуктами, иными интересами, то исчезающими без следа, то оставляющими живую активность.

Нет такого мыслителя, который занимался бы разрешением жизненной проблемы и который мог бы пройти молчанием состояние сна. В зависимости от взглядов эпохи, в которой жили исследователи, творческие продукты имели соответствующие отпечатки, и по ним, как по историческим этапам, мы оживляем прошлое, переводя его в психическое бытие.

Гомер так говорит о сне: «Сном пользовались боги, чтобы сообщить людям свою волю».

Ксенофонт говорит о так называемых вещих снах и по-своему объясняет их: «Душа во сне становится более божественной и потому предвидит будущие события».

Сон изучали *Гиппократ*, *Аристотель*, *Фрейд*, *Попов*, *Каринский* и многие другие ученые, но почти до последнего времени сны охотно описывались, а не изучались, так как изучать сны было значительно труднее.

В последние годы в Европе и в СССР появилось особое болезненное состояние, известное под именем «сонной болезни». Данная болезнь проявлялась в различных формах и сопровождалась разными формами сна или сноподобного состояния. Наблюдения над такими больными дали возможность глубже проникнуть в сущность подсознательных функций, а выявив последние, – приложить эти знания к темному, к непонятному, таинственному творческому процессу. Только при наличии возможности изучения различного вида снов и сноподобных состояний возможно проникнуть в глубину подсознания и дать о нем такое же представление, какое было дано контролирующему сознанию.

По нашему мнению, подсознание построено по тому же типу, как построено и контролирующее сознание.

Что дает нам право утверждать вышеизложенное?

Это право мы получили из наблюдений и изучения больных, болевших сонной болезнью, и из разработки литературных сведений о сноподобных состояниях, находящихся в нашем распоряжении³. Обобщение литературных

³ Кроме того, наблюдение психической диссоциации у душевнобольных подкрепляет нашу уверенность названного характера.

и личных данных дает нам право на то, чтобы высказаться о строении подсознания с некоторой уверенностью.

Как было сказано выше, функции подсознания выявляются в период пассивности контролирующего сознания, поэтому нам предстоит проследить этапы, характеризующие различные виды сна и сноподобных состояний.

Сон.

При наступлении сна органы восприятия частью изолируются от окружающей действительности, частью становятся пассивными к ее восприятию. Более остро воспринимаемыми чувствами являются глаза и уши. Глаза имеют особый аппарат, называемый веками, который с наступлением сна смыкается и таким образом изолирует глаза от внешнего мира. Орган слуха не имеет такого изолирующего аппарата, а поэтому там, где спит человек, необходимо соблюдать тишину; при нарушении же тишины сон становится менее глубоким, более тревожным и прерывистым. Этот сон является сном физиологическим и продолжается у человека, примерно, треть его жизни. Физиологический сон освежает организм, придает ему необходимую бодрость для наступающего трудового дня. После сна человек охотно вновь принимается за обычную работу, чувствуя для этого достаточный прилив энергии. Чередование сна и бодрствования закономерно сменяется. При нарушении данной закономерности организм впадает в болезненное состояние; если сон нарушается в такой мере, что бессонница продолжается слишком долго, то такое состояние должно быть при помощи медицинских мероприятий оборвано, в противном же случае оно может кончиться катастрофически для больного.

К физиологическому же сну можно отнести и зимнюю спячку животных: улитки, ящерицы, змеи и др. животные спят в зимний период времени, но и некоторые млекопитающие тоже спят зимою, при этом некоторые спят беспрерывно, а некоторые прерывно. Непрерывно спят: тушканчики, сурки, сони и другие животные; прерывно спят: медведи, барсуки, летучие мыши и многие другие.

Некоторые сны болезненного характера несколько похожи на физиологический сон, например, narcolepsia; это состояние, внезапно наступающее у больного среди бодрствования, продолжается сравнительно недолго, и какой-нибудь толчок, оклик или стук быстро приводят больного к бодрствованию, и он вновь продолжает прежнюю работу. Иной род патологического сна, продолжающийся от нескольких дней до нескольких недель и даже месяцев, называется lethargia. Данное болезненное состояние можно разделить на две группы: в одном случае лица, находящиеся в состоянии летаргии, спят без сновидений, не воспринимая из окружающей среды того, что в ней происходит; при другом виде летаргии больные спят так, что во время сна воспринимают действия, происходящие в окружающей среде, и сохраняют о них воспоминания. Кроме того, у таких больных могут быть самостоятельные сновидения.

Sopor и coma, наступающие вследствие интоксикации, создают особый вид сна.

Многие фармацевтические средства могут создать сон, совершенно похожий на физиологический, не имеющий сновидений, например, chloral hydrat.

Физиологический сон не всегда бывает совершенно спокойным, иногда во время сна человек переживает явления или свойственные его обычной жизни, или же его сны имеют фантастический характер, при наличии которого спящий субъект живет как будто в другом мире, как будто реализуется сказка, как будто он переходит в мир миражей и грез и в этой области живет реально; нередко субъект сохраняет воспоминание об этих снах, но эти воспоминания отличаются одно от другого иногда довольно резко. Бывают случаи, что проснувшийся человек говорит, что ему ночью все время что-то грезилось, но что, он не помнит; иногда проснувшийся вспоминает некоторые отрывки, свойственные переживаниям во сне, но по этим отрывкам он не в состоянии восстановить цельность сновидений. Бывают и такие случаи, что проснувшийся с полной ясностью отдает себе отчет о переживаниях, бывших во время сна.

Сновидения с давних пор интригуют человечество; последнее в высокой степени интересуется снами, и почти нет такой семьи, где один или несколько членов не придавали бы существенного значения виденным снам, называя эти сны «вещими». С давних пор, как только человечество начало мыслить, его начали интриговать переживания сновидений. Самая древняя книга, дошедшая до нашего времени, указывает на то, что снами глубоко интересовалось человечество на заре своей сознательной жизни. Иосиф вследствие умения разгадывать сновидения из раба превратился в первого государственного человека, так передает народное творчество, дошедшее до нашего времени. Если предания глубокой старины то изустные, то писанные сохраняются для потомства, то этот уже факт говорит о том, что сновидениям человечество уделяло в прошлом, уделяет и теперь большое внимание.

Весьма ярко сновидение Симонида, описанное Цицероном и сводящееся к следующему: однажды Симонид из благочестивых соображений предал земле труп неизвестного мужчины, и через некоторое время во сне Симониду явился погребенный им человек и предупредил его о том, что предстоящее морское путешествие является для него крайне опасным, и чтобы он воздержался от него. Симонид принял этот сон, как вещий, и не пошел в плавание со своими кораблями; его корабли вышли в море, потерпели крушение и погибли вместе со своим экипажем. Всем хорошо известен сон жены Цезаря. Вот этим снам человечество придает большую ценность. Сны со сновидениями могут наступать также и под влиянием приема фармацевтических средств; к таким средствам относятся: опий, белладона, гашиш и т. д. Каждое из этих средств вызывает более или менее яркие сновидения. Под влиянием сновидений человек забывает неприглядную, обычную, будничную жизнь, богатую скорбями, но скудную на радости, и переселяется в другой сказочный мир, и как будто живет там, в фантастическом царстве. Последнее настолько заманчиво, что человек, раз испытавший такие сказочные восприятия, желает как можно чаще

повторять их; таким образом фантастика овладевает субъектом, и он все чаще и чаще прибегает к средствам, губительно действующим на его организм.

Бывают сны, характеризующиеся активностью в двигательной сфере. Известна болезнь под именем *nactambulism*'а, при наличии которой больные совершают весьма рискованные прогулки во время сна, на каковые они не решились бы в бодрственном состоянии, но благодаря тому, что их контролирующее сознание находится в пассивном, бездейственном состоянии, люди под влиянием *nactambulism*'а могут безопасно совершать по ночам самые рискованные путешествия и возвращаются невредимыми в свои постели и продолжают сон. О ночных путешествиях лунатики не сохраняют никакого воспоминания. Фармацевтические средства также в состоянии вызывать сны с активностью в двигательной сфере, это – эфир, хлороформ и пр. Гипноз также может вызвать сон различной глубины, под влиянием которого человеку можно внушать производить различные действия, и он выполняет последние вполне удовлетворительно, теряя представления о сделанном в период наступающего бодрствования.

Но бывают и иные сноподобные состояния, в период которых действия и поступки носят характер, присущий человеку, находящемуся в бодрственном состоянии. Джемс описал следующий весьма характерный для данного вида сноподобного состояния случай: проповедник, взяв в банке порядочную сумму денег, для того, чтобы купить небольшой кусок земли, вдруг исчез; родственники обратились за содействием в полицию, которая после тщательных, но бесплодных розысков решила, что в данном случае имеет место преступление; очевидно, кто-нибудь следил за данным лицом и убил его с целью грабежа. Труп нигде не был найден. Прошло около 2-х месяцев с момента исчезновения данного лица, и родственники решили, что они совершенно потеряли его; но, примерно, через два месяца получилось известие, что исчезнувший живет в течение этого срока в соседнем, небольшом городке и чувствует себя совершенно здоровым, но с ним приключилась необыкновенная история, разгадать которую он не мог, он не знал, как попал в маленький городок, как он жил, почему оказался в чуждой обстановке, он абсолютно ничего не знал, но соседи рассказали ему, что он приехал в город, назвался другим именем и открыл мелочную торговлю; в небольшой комнате, находящейся позади лавки, он спал, готовил себе пищу и т. д. Когда товар его приходил к концу, он ездил в ближайший большой город, закупал новый товар, привозил его в лавку и вновь продолжал торговлю. Однажды он произнес в церкви очень удовлетворительную проповедь. Его поведение не внушало никакого подозрения, и поэтому все лица, с которыми он приходил в соприкосновение, считали его обычным, нормальным человеком. Прошло около 2-х месяцев, и однажды, проснувшись, этот человек почувствовал большой страх, так как увидел себя среди непривычной для него обстановки; он немедленно обратился к своим соседям, прося их рассказать о том, что произошло с ним, но соседи могли только рассказать о том, как он жил в период этого времени, но объяснения данным поступ-

кам они представить не могли. Оказалось, что этот проповедник, проживший 2 месяца совершенно не присущей ему жизнью и занимаясь работой, которой он никогда не занимался, ничего не помнил о происшедшем, кроме того момента, когда он взял деньги из банка; вся остальная жизнь не находила отклика в сфере его сознания. Весьма интересен тот факт, что через 3 года данное лицо, будучи загипнотизировано врачом и спрошено о прежней жизни, протекшей в течение 2-х месяцев, рассказало об этой жизни все до мельчайших подробностей. Очевидно, данная жизнь находилась под иным контролем, под иным сознанием, не имеющим связи с обычным контролирующим (бодрственным) сознанием. Но когда человек перешел под контроль бодрственного сознания и когда его спрашивали о своеобразной жизни, протекавшей в течение двух месяцев, то он ничего не отвечал, ибо вопросы были направлены не по адресу, так как контролирующее сознание не принимало участия в этой жизни.

У нас был больной, который однажды исчез с полевых работ и, по истечении некоторого времени, дома была получена от него телеграмма, что он находится на Кавказе, Мать поехала за ним и привезла его домой, в дальнейшем выяснилось, что данное лицо проехало по Волге, затем направилось в Крым и, наконец, пробралось на Кавказ. Через полтора месяца данное лицо увидело себя в незнакомой обстановке и узнало, что оно находится далеко от дома, но не могло объяснить себе обстоятельств отъезда из дома, а также не могло воскресить в памяти этапов протекших дней. Другой раз это же лицо через несколько лет также внезапно исчезло из дома и уехало во Владивосток. На пути больной оставлял поезд, ездил, примерно, верст за 30 от станции к своим знакомым, где занял деньги и продолжал путешествие до Владивостока; в последнем городе он прожил около 2-х месяцев и, однажды проснувшись, был удивлен, что он находится в незнакомом городе, а узнав место своего нахождения, немедленно послал телеграмму домой с извещением о месте своего пребывания. В период путешествий данное лицо ни в ком не вызывало никакого сомнения, так как его поступки и поведение были вполне сознательны и не внушали никакого подозрения со стороны окружающих, несмотря на сложность протекшей жизни. Только через некоторое время он понял из рассказов, что под влиянием болезненного состояния он заехал очень далеко от дома и прожил какой-то жизнью, о которой он не имел представления.

Вот, примерно, те сны и сноподобные состояния, которые наблюдаются у человека. Если классифицировать данные сны, то окажется, что их можно разделить на пять групп.

К *1-й группе* будут относиться сны физиологического характера. Сном мы называем такой период нашей жизни, когда контролирующее сознание переходит в пассивное, бездейственное состояние. В такое же состояние может впадать и подсознание, и тогда мы имеем спокойный без сновидений сон, ободряющий и освежающий человеческий организм.

К *второй категории* снов относят сны со сновидениями, но так как сновидения, как было сказано выше, бывают различного характера, то можно

судить о том, что происходит с подсознанием в эти периоды сна. В том случае, когда человеку что-то грезилось, но он ничего не помнит, подсознание активируется до степени восприятия, не оставляющего никакого целостного воспоминания. Субъект, когда проснется, говорит о том, что ему всю ночь что-то грезилось, но он ничего не помнит, но знает, что сон не был спокойным, а потом и не освежил беспокойно спящего человека (см. рис. 37).

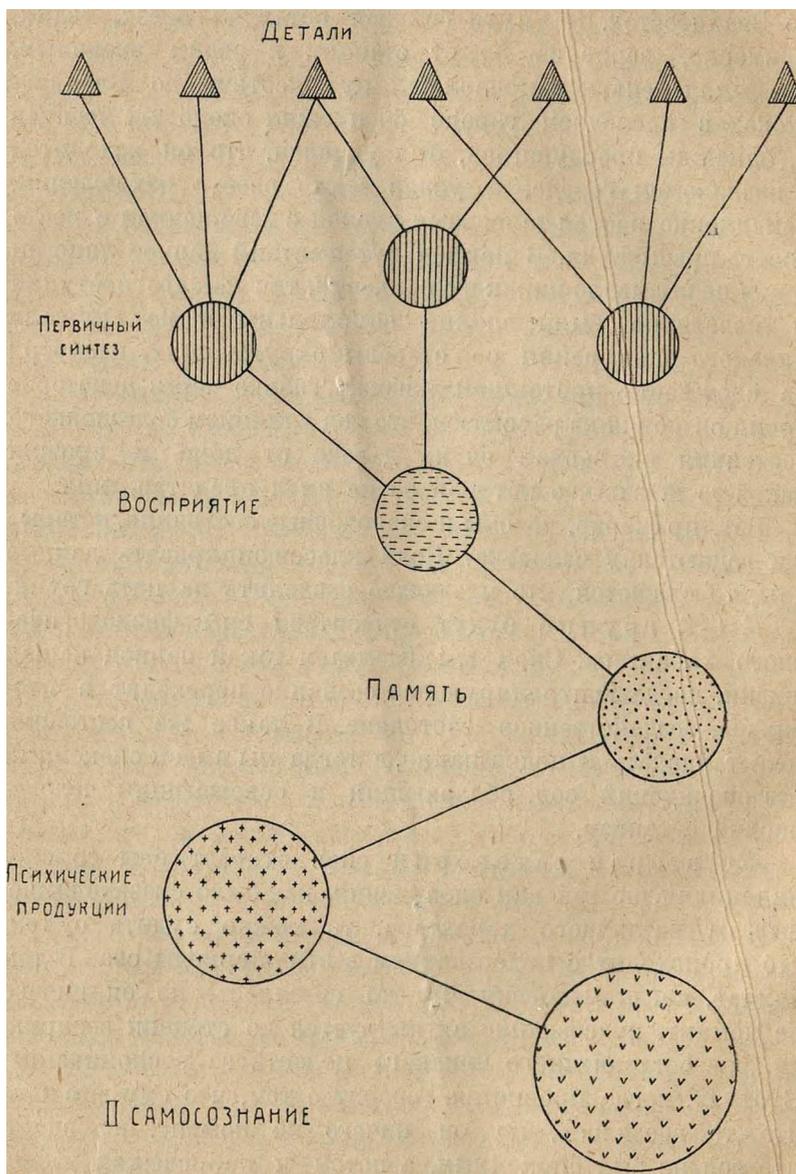

Рис. 37

К *третьей группе* снов принадлежат такие состояния, которые ярко вспоминаются с наступлением бодрствования, они активируют подсознание до степени памяти. Образы действия и поведения, пережитые во время сна, сохраняются в виде воспоминаний, передаваемых по связям в поток бодрственного сознания в моменты перехода к бодрствованию. Потому-то синтетический процесс, совершившийся в подсознании, в виде образов воспоминания передается в поток контролирующего сознания, становится его достоянием и связывается с контролирующей личностью. Личность не принимала участия в организации данного сна, а поэтому и переживания, которые вызывает сон с яркими сновидениями, толкуются людьми как нечто навеянное извне, так как контролирующее сознание не работало над организацией этих образов.

К *четвертой группе* будут относиться такие сны, когда активируется сфера движений и производит ряд сложных координированных движений, дающих возможность человеку совершать ночные прогулки весьма рискованного характера. При данных действиях человек в достаточной степени ориентирован в тех движениях, которые ему нужно совершать, и делает их настолько ловко и правильно, что преодолевает всякие опасности без риска получить травматические повреждения. Но когда человек возвращается вновь на свое место и засыпает, то, проснувшись, он не имеет никакого представления о ночном путешествии. Следовательно, его контролирующее сознание не участвовало в организации этих путешествий. Контроль над его действиями всецело принадлежал подсознанию. Последнее и было руководителем данного поведения, но оно не передавало в бодрственное сознание этих переживаний, связывая их, очевидно, со второй личностью, присущей самому подсознанию. В этот период сна подсознание активируется до степени психических продукций, последние активируют двигательную сферу, не вступая в контакт с контролирующим сознанием.

Наконец, *пятая группа* снов отличается тем, что при наличии их выявляется новая личность. *Джемс*, описывая жизнь проповедника, ярко выявил обстоятельства, при которых возникает вторая личность, называющая себя иным именем и занимающаяся профессией, не присущей данному человеку, когда он находился в бодрственном состоянии. Наш больной путешественник также ярко характеризует картину выявления второй личности, берущей на себя контроль за поведением и его организацией. В период, когда выявляется новая личность, подсознание активируется до второго самосознания. Подсознание, активированное во всех своих функциях, создает самостоятельную жизнь, совершенно оторванную от контроля бодрственного сознания; поэтому, когда данное лицо переходит вновь во власть бодрственного сознания, оно теряет всякую связь с той жизнью, которая была организована подсознанием, и все вопросы, направленные к бодрственному сознанию, не могут получить ответа, так как бодрственное сознание не имеет никакого представления о жизни, находившейся под руководством подсознания.

Перечисленные типы снов дают нам возможность утверждать, что подсознание построено по тому же типу, по которому строится и контролирующее сознание. Подсознание, создающее жизнь во сне и руководящее поведением человека в то время, когда контролирующее сознание находится в пассивном состоянии, имеет все функции последнего, ибо оно в отсутствие самостоятельности контролирующего сознания может воспринимать, запоминать, проецировать во вне свое содержание и образовывать личность, в поведении ничем не отличающуюся от личности, руководимой контролирующим сознанием, так как поведение, создаваемое подсознанием, не внушает недоверия лицам, приходящим в соприкосновение с субъектом, живущим жизнью, руководимой подсознанием, несмотря на то, что таковой субъект ведет очень сложную жизнь и хорошо ориентируется в непривычной для него обстановке.

Некоторые психологи думают, что подсознание по своим функциям должно отличаться от контролирующего сознания, что в подсознании нужно отыскивать свои особенности, но не повторять то, что известно о контролирующем сознании. Нам кажется, что такое мнение основано на простом недоразумении: если бы подсознание имело иные функции чем те, которые присущи контролирующему сознанию, то тем самым была бы нарушена гармония психической жизни, ибо нельзя допустить, чтобы в обычных условиях мышления эти два потока так объединялись, что выявить отдельно их функции не представляется возможным, нам же известно, что разнородные элементы только смешиваются, но не объединяются.

Итак, представив себе строение сознания и подсознания, мы на основании этого знакомства должны оценивать те взаимоотношения, которые присущи этим сферам в обычных жизненных условиях при проявлении привычной и творческой работы. Эти знания дают нам возможность выявить тот механизм общения, который присущ этим психическим процессам. Наблюдение над повседневной жизнью показывает, что человек тратит значительно больше времени и сил при производстве непривычной работы. По мере привыкания к работе вырабатываются навыки, дающие возможность затрачивать и меньше энергии, и меньше времени на производство данной работы.

Каким образом объяснить привыкание к работе, экономящее и время и энергию?

Очевидно, в этом процессе происходит содружественная работа контролирующего сознания с подсознанием; в период приобретения навыков прокладываются пути от бодрственного сознания к подсознанию. Треугольники бодрственного сознания мы назвали моментами восприятия качества и действия. Эти же треугольники в подсознании являются восприятиями качеств и действий только в том случае, если подсознание получает автономную жизнь, если же оно работает содружественно с бодрственным сознанием, то тогда эти качества и действия являются деталями, т. е. в этих психических моментах протекают все детали, связанные с привычной работой, следовательно, контролирующее сознание разгружается от части работы и передает детали ее

в подсознание, само же только руководит реализацией идеи. На нашем рисунке путь, соединяющий первое самосознание с деталями подсознания, обозначен пунктирной линией. Для примера можно взять обучение музыке. Первый этап обучения связан с тяжелыми упражнениями, на которые тратится большое количество сил, и времени, но с течением времени эта работа производится все быстрее, и на нее затрачивается меньше энергии; очевидно, в этом случае все детали передаются в подсознание, а бодрственное сознание руководит лишь последовательностью и разработкой идеи. Владеющий хорошо инструментом почти не следит за теми клавишами, по которым он ударяет своими пальцами; он лишь читает ноты, а пальцы сами быстро перебегают по клавишам, вызывая определенные музыкальные сочетания (см. рис. 38).

Мышление может происходить не только путем синтетического объединения качеств и действий, но человек может мыслить формами, что свойственно, в частности, музыкальному и красочному мышлению. В данных случаях контролирующее сознание пользуется работой подсознания, где протекает подготовительный синтез, доходящий до степени восприятия, где выкристаллизовывается форма, переносимая затем в поток бодрственного сознания в готовом виде, а потому нам кажется, что механизму мышления контролирующего сознания присуще непосредственное оперирование готовыми формами. На самом же деле эти формы проделали необходимый синтез в подсознании.

Весьма интересен механизм мышления, который свойствен интуитивному творческому состоянию, имеющему весьма характерные особенности. Интуитивный творческий процесс в высокой степени заинтересован в работе подсознания; он заинтересован и в том, чтобы работа, происшедшая в подсознании, вливалась в поток бодрственного сознания в виде готовых решений и усваивалась бы нашей личностью.

Интуитивная творческая работа не безразлична для всего организма и для нашего настроения, так как рождение готового решения сопровождается приятными ощущениями. Эти приятные ощущения могут подниматься до степени восторга, до степени вдохновения. Рождение идей создает такое счастье, равного которому не знает человечество. Но, благодаря тому, что идеи, выкристаллизовывающиеся в контролирующем сознании в готовом виде, не являлись следствием работы самого бодрственного сознания, человек отказывается признать данную работу за свою; он думает, что полученная в его сознании идея навеяна кем-то извне; он думает, что какая-то высоко одаренная личность вошла с ним в непосредственное соприкосновение и сообщила ему то новое, над чем данное лицо никогда не работало.

В психологиях творчества этому обстоятельству уделяется большое внимание до самого последнего времени, все авторы, интересующиеся теорией творчества, указывают на то весьма важное обстоятельство, что человек, творящий высокие ценности, отказывается признать эту работу за свою, приводя в пример то, что новые решения являются столь высокими, что их творческая

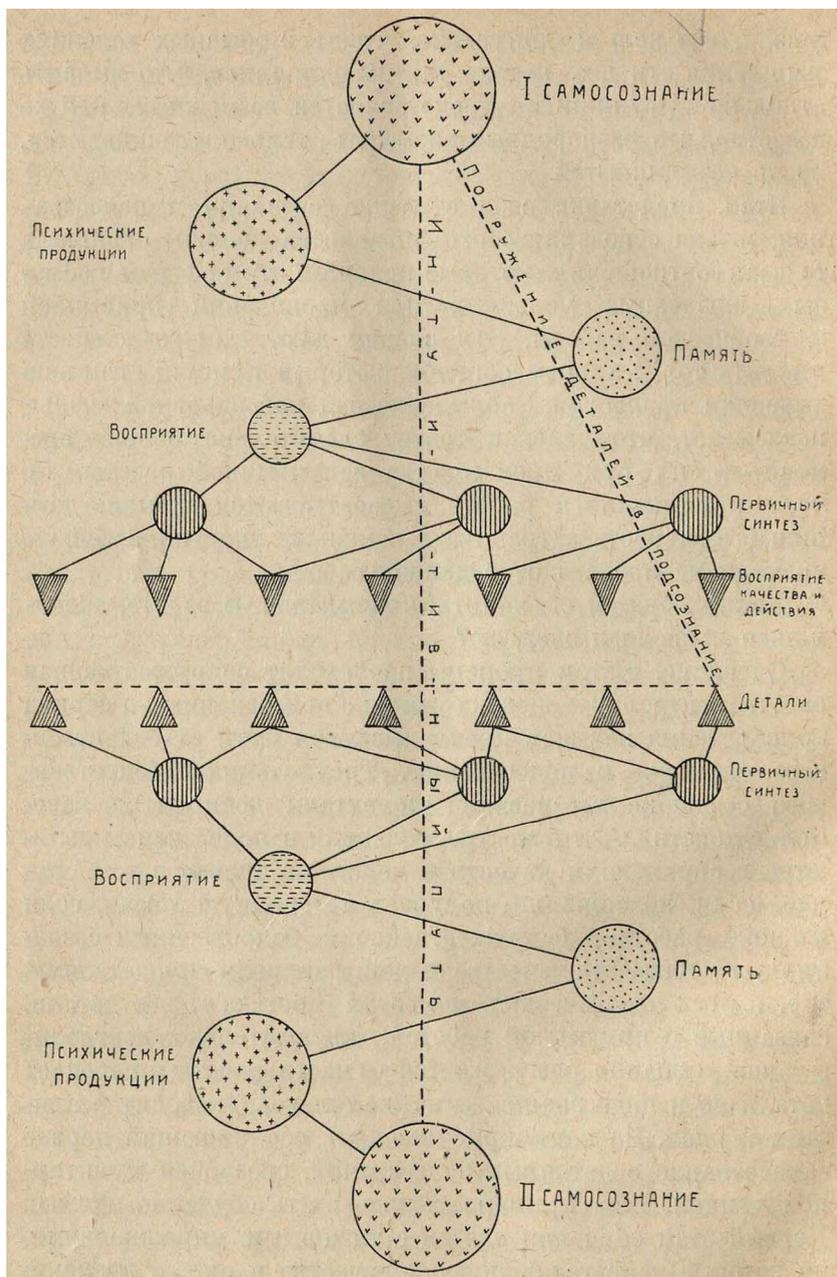

Рис. 38

высота не присуща его постоянному, обычному повседневному мышлению. По мнению творца, эти решения могут исходить от другой личности, значительно выше стоящей в умственном отношении в сравнении с творцом.

Благодаря такому пониманию техники творческого процесса создалось много легенд о том, что к творцам прилетают какие-то высокие существа и нашептывают им идеи, обогащающие и науку, и искусство, и технику новыми высокими ценностями, опережающими жизнь иногда на целые века. Творцы изящной литературы облекают в образы данные легенды, они говорят, что музы спускаются с высот Парнаса и на своих многострунных инструментах играют им волшебные гимны, и эти волшебные гимны воплощаются потом поэтами в их произведениях. Заблуждение идет далее: поэты, художники, литераторы, а так же и некоторые ученые внесли свои ощущения в литературу, популяризировали их и усложнили легенду тем, что перестали считать себя творцами, а лишь проводниками высоких ценностей, периодически появляющихся в их сознании при самых разнообразных условиях жизни, сопровождаясь восторгом и радостью, о чем говорилось выше. Такое толкование творческого процесса могло получить широкое распространение лишь потому, что научные сведения о функциях подсознания до сих пор довольно скудны, взаимоотношения же сознания и подсознания при наличии данного процесса совершенно не разработаны, и данная тема является для текущего столетия программой не только у нас, но и в Западной Европе. В Европе в настоящее время идут обширные работы по изучению функций подсознания, ибо философы и психологи стали широко интересоваться психическим механизмом, облегчающим приемы привычной работы и проявления творческого процесса. Такие знания можно получить только из понимания взаимоотношений сознания и подсознания, так как локализация психических процессов в мозгу еще находится в девственном состоянии, накапливаемые же психологические наблюдения широко обогатят последние тогда, когда они начнут выкристаллизовываться в науке.

Знакомство со взаимоотношением сознания и подсознания может точно объяснить механизм творческого процесса; последний заключается в том, что в подсознании произошел необходимый синтез, выкристаллизовавшийся во 2-м сознании всю идею целиком. Если у человека первое самосознание (контролирующее сознание) прочно связано ассоциативными путями со вторым (подсознательным) самосознанием, то синтетическая работа, происходящая в подсознании и распространяющаяся до полного решения идеи, может передаваться в поток бодрственного сознания и в последнем производит те особенности творческого процесса, которые перечислены выше, и это будет первым этапом интуитивного творческого процесса.

Пользуясь нашими таблицами, можно ясно представить механизм, лежащий в основе взаимоотношения сознания и подсознания при наличии творческого процесса. Готовое решение, оформившаяся идея, выявившись в потоке контролирующего сознания, производит психическую сенсацию в последнем, так как оно действительно не работало над разрешением выкристаллизованной проблемы, поэтому последняя и производит психическую сенсацию в сознании. Если к этому прибавить внутренние ощущения восторга и высшей

радости, сопровождающих рождение в сознании готового, оформившегося решения, то станет понятно чарующее действие этого переживания на человека, станет понятным и волшеббно-фантастическое объяснение таинственного процесса, открывающего человечеству новые пути в области науки, искусства и техники. Отсюда начинается исток нарождающихся мифов о музах, о демонах, о высших существах, посещающих творцов для того, чтобы сообщить им свои тайны. Знакомство же со строением подсознания и его взаимоотношением с сознанием дает нам верное средство для разрушения легенд, повторяющихся во всех учебниках психологии творчества.

Вышеприведенное знакомство указывает нам на синтетическую работу, протекающую в подсознании и заканчивающую синтез во второй личности. Вторая личность, овладев синтетической работой, протекшей во всех психических этапах подсознания, под влиянием каких-то внутренних причин выносит готовое решение в поток контролирующего сознания. Для рождения готового решения в потоке сознания нужны следующие условия: нужно, чтобы у творца был проложен путь между первым и вторым самосознанием, помеченный на нашем рисунке пунктиром; кроме того, нужны какие-то внутренние, нам не известные причины, понуждающие второе самосознание влить в поток контролирующего сознания дошедшее до второго самосознания решение.

Возникают новые вопросы: разве не все люди имеют ассоциационный путь, соединяющий вышеприведенные самосознания?

По нашему мнению, не все, и вот почему. Человечество не закончило развития своего организма, особенно данное положение относится к центральной нервной системе, последняя быстро совершенствуется в развитии, прокладывая новые ассоциационные пути, объединяющие различные психические центры. Те люди, которые опережают нормальный шаблон развития центральной нервной системы, создают неустойчивые в смысле психического здоровья формы, но они же являются и более талантливыми или гениальными творцами, так как у них более прочно устанавливается связь между обоими самосознаниями. Но у этих же лиц под влиянием каких-то внутренних причин может освобождаться от опеки контролирующего сознания подсознание, и тогда последнее получает возможность проецировать во внешнюю среду свое содержание. Подсознание же работает значительно быстрее сознания, что подтверждают случаи, угрожающие жизни человека. Всякое лицо, пережившее опасность могущей наступить внезапной смерти, знает, что в эти моменты сознание находится под влиянием охватившего его ужаса, подсознание же в доли минуты дает возможность данному лицу пережить в картинах всю прошлую жизнь. Хотя подсознание работает значительно быстрее сознания, но его продукции не могут проскальзывать мимо органов, проецирующих во вне внутреннее психическое содержание, ибо данные органы приспособлены для проекции содержания сознания, последнее же является не только фильтром для подсознания, но и его тормозом, поэтому между психическими процессами и их проекцией существует полная гармония. В то же время, когда

подсознание резко активировано и получило автономию от контроля сознания, человек впадает в состояние психического хаоса, так как органы проекций не могут фиксировать идей, поступающих из недр подсознания, тогда наступает момент, называемый в психиатрии *fuga idearum*, внешне выражающийся тем, что субъект высказывает отдельные слова, не объединенные в последовательные идеи, а потому они и получили название «Salatwort»⁴.

Нужны ли какие-то внутренние причины, побуждающие подсознание вливать в поток контролирующего сознания готовые решения и тем организовывать интуитивный, творческий процесс тогда, когда в наличии имеется путь, соединяющий оба самосознания?

Для проявления интуитивного, творческого процесса внутренние причины нужны, так как по опыту нам известно, что интуитивный процесс возникает помимо нашего желания, интервалы же не поддаются ни сокращению, ни удлинению, ибо интуитивный процесс лежит вне сферы нашего влияния и всецело находится во власти внутренних причин, лежащих в тайниках жизнедеятельности нашего организма.

Второй этап творческой работы заключается в том, что контролирующее сознание, овладев готовой идеей, путем аналитическим расчленяет ее на составные части, по которым и создает стройные теории, оплодотворяющие жизнь новыми ценностями.

Следовательно, вторая стадия творческой работы протекает в контролирующем сознании. Рожденная идея, воспринятая первым самосознанием, в аналитическом акте проходит через все моменты сознания до восприятия качества и действия, связываясь таким образом со всеми функциями сознания, благодаря чему данная идея становится с этого момента собственностью бодрственной личности. Вот почему многие творцы говорят, что не переживаемый восторг и высшая радость венчает творческий процесс, а его прочно утверждают холодные, трезвые выкладки ума, придавая жизненный характер первому акту творческого процесса. Следовательно, полное завершение творческого процесса происходит путем аналитической работы контролирующего сознания; если бы таковой работы не произошло, то интуитивный творческий процесс навсегда утерял бы реальную ценность.

Таким образом, творческий процесс состоит из трех стадий: синтеза, протекающего в подсознании, рождения готового решения в контролирующем сознании и анализа, протекающего в последнем.

По окончании третьей стадии интуитивной творческой работы наступает удовлетворение, т. е. сознание того долга, который лежит на творце, получившем дары подсознания. Но перечисленными свойствами не исчерпываются особенности, присущие интуитивному творческому процессу.

Лицо, хотя бы раз пережившее интуитивный творческий процесс, всецело подпадает под власть данного переживания, у него появляется жажда по-

⁴ При нормальной же активности подсознания и пассивности контролирующего сознания органы проекции справляются с присущей им работой, создавая новую личность типа Джемса.

вторения, так как данный процесс создает условия, связанные с ощущением высшей радости, поэтому человек желает, чтобы данный процесс повторялся как можно чаще. Таким образом, творческий процесс обладает способностью инфекции, если можно так выразиться, и человек, раз инфицированный им, приобретает в своем сознании вышеприведенную жажду повторения. Если этого повторения нет, то человеком овладевают мрачные мысли, недовольство становится постоянным его спутником, наконец, нарождается разочарование, — человеку кажется, что он уже не способен ни на что высокое, что он не может творить, что от него отлетел тот восторг, который доступен ему был в период творчества; и под влиянием этого разочарования и безнадежности нарождаются аффекты тоски, аффекты неудовлетворенности и глубокого разочарования, исчезает здоровый аппетит к жизни, сменяющийся апатией: у бывшего счастливого появляется желание «забыться и заснуть», чтобы освободиться от того тягостного переживания, которое присуще ему в тоске по не посещающему его творческому процессу. Если данное лицо не стойко и не овладело навыками, сдерживающими желания, то оно может все ниже и ниже спускаться по лестнице жизненного пути; оно начинает искать средств, при помощи которых могло бы если не вызвать самого творческого процесса, то фальсифицировать его переживаниями иного, более низкого характера.

Человечество не владеет такими средствами, при помощи которых оно по своему желанию могло бы ввергать себя в состояние творческого, интуитивного процесса; последний нарождается сам по себе, под влиянием каких-то никому не известных внутренних причин, и на активацию этих причин мы не можем оказать никакого влияния. Обычно в погоне за творческим процессом человек начинает прибегать вначале к невинным средствам: некоторые люди пьют для этого крепкий чай или кофе, некоторые работают на солнце с непокрытой головой, некоторые опускают ноги в таз с холодной водой, и эти приемы как будто дают возможность человеку творить более высокие ценности, чем те, которые присущи ему при обычном образе мышления; но чаще всего эти средства не удовлетворяют человека, и тогда он переходит к более сильным снадобьям. Русские люди чаще всего употребляют для этой цели алкоголь; последний возбуждает человеческую природу, парализует некоторые сдерживающие мозговые центры, благодаря чему человек становится более развязным и более говорливым, и это состояние он принимает за состояние творчества. Но этот обман все ниже и ниже спускает человека по жизненной лестнице, разрушая его творческую личность. Человек, вступивши на путь эксперимента, может быть вполне уверен, что уже высокий, творческий, интуитивный процесс, который хоть раз посетил его, навсегда и безвозвратно исчезнет. Данное лицо уже никогда не испытает высокого восторга, свойственного периоду интуитивного переживания. Если не хватило терпения для того, чтобы выждать момент нового наступления интуиции, то при помощи сильных средств разрушается безвозвратно мост, только что начавший формироваться между двумя самосознаниями.

Европейцы для той же цели чаще всего прибегают к морфию, создающему состояние нирваны, такое состояние, которое дает возможность человеку забыть от повседневной действительности и погрузиться в сказочный мир; это состояние также создает иллюзию счастья, хотя оно с последним не имеет решительно ничего общего. Вызванные искусственными средствами состояния разрушают и механизм творческого процесса и весь организм человека в целом.

На Востоке прибегают к более сильному средству, так называемому гашишу. Гашиш создает более яркий сон, и человек, у которого действительная жизнь не богата приятными впечатлениями, покупает себе иллюзию счастья, прибегая к употреблению этого сильного средства, создающего яркие, красочные сны.

Все искусственные средства, сильно действующие на человеческий организм и выводящие его из обычной повседневной действительности, создающие мир сказки, в то же самое время расшатывают, разрушают организм, и чем ярче сновидения, создаваемые при их помощи, тем сильнее разрушается организм, и человек, раз ставший на этот путь, должен считаться погибшим для творческого процесса.

В жизни мы знаем много лиц, подававших надежды; это значит, что у этих лиц организовывался творческий процесс, но они не сумели удержаться на высоте и не могли дожидаться следующего проявления этого процесса, а, не устояв, стали прибегать к искусственным средствам и тем самым разрушили тот юный механизм, который только начал организовываться; и такие лица, из числа подающих надежды, но не удержавшихся на высоте, пополняют ряды «бывших людей».

Творческие процессы нередко совершаются не только в области практических знаний, но и в области создания красивых сказок; но красивые сказки нередко могут быть сказками некоторый период времени, затем они начинают постепенно реализоваться. Красивые сказки о коврах-самолетах и о Наутилусах уже реализованы человечеством. Поэтому творческий процесс, какой бы области он ни касался, всегда заслуживает и глубокого внимания, и бережного к себе отношения; и если в эту область вмешивается насилие, то оно должно нести ответственность перед историей человечества. Между тем всегда существует конфликт между творческой личностью и скептиком. Скептик, обычно, не верит в творческий процесс, мотивируя свое неверие тем, что он не в состоянии объяснить его. Невозможность объяснить какое-нибудь явление не дает права человеку отвергать его и накладывать veto на возможность изучения и объяснения при помощи добытых сведений.

Дальнейшее развитие науки в конце концов даст объяснение темным творческим процессам и свяжет их с определенными областями мозга, но для этого нужна затрата времени и сил.